

Андрей Курбский. Переписка Ивана Грозного с монархами

Уникальным явлением в истории Российского государства стала переписка двух крупных деятелей и не менее крупных литераторов — Андрея Курбского и царя Ивана IV Васильевича. Впоследствии этот обмен обвинениями и доказательствами своей правоты ученые тщательно исследовали и подробно описали. Большинство историков считает эту переписку тирана и изменника борьбой двух взглядов на сущность и природу царской власти. В специальной литературе эта яростная, полная сарказма ругань и рассуждения стали поводом для аргументированного спора о теории и истории государства и права. Оба корреспондента оставили потомкам великолепные образцы литературного стиля той эпохи и свидетельства насущных проблем XVI в.

Первое письмо из не слишком интенсивной переписки Ивана Грозного и Курбского доставил царю в 1564 г. слуга князя Василий Шибанов, которого царь в ярости подверг пыткам. В письме Курбский обвинял Грозного в тирании и неблагодарности, грозя встречей с ним перед Страшным судом. Иван IV немедленно ответил князю и не только отверг все обвинения, но и предъявил бывшему другу встречные претензии. Князь Курбский обвинялся в намерении стать самостоятельным государем Ярославля, а также в измене господину без всяких на то оснований, в преступной халатности во время военных действий и прямом вредительстве русской армии.

Сам слог, а также объем ответа царя своему слуге и другу свидетельствуют о том, насколько сильно задело царя бегство от него старого приятеля. По выражению самого Курбского, это — «зело длинная эпистолия» [15]. Царь, безусловно, готовил опалу князю Андрею, но его попытку избежать царской кары воспринимал как личное оскорбление.

Кроме того, царь подробно рассмотрел возможность встречи с Курбским перед судом Всевышнего и разгромил аргументы князя по всем правилам русского богословия, что, правда, не мешало ему использовать иногда непристойную

ругань. В заключение Иван Грозный прямо назвал князя еретиком, а место его укрытия — своим владением, подразумевая, что и там от праведного гнева хитрому изменнику не скрыться.

Курбский, прекрасно зная царя, в своем письме намеренно затронул все самые чувствительные струны души Ивана. Царь, сколько бы он ни ссылался на труды святых отцов Церкви и апостолов, как бы логично ни обосновывал свои действия, фактически оправдывался, подробно и часто по несколько раз опровергая одни и те же обвинения в свой адрес и пытаясь убедительно объяснить учиненные им казни. Если бы Иван Грозный действительно чувствовал полную уверенность в себе, он вряд ли бы стал столь остро реагировать на послание заведомо неправого князя — изменника Отечества. Его ответ последовал очень быстро (в июле 1564 г.) во многом еще и потому, что Курбский добился своего: он серьезно задел царя, который писал, что у князя «змеиный яд под языком» [15].

Участники переписки высказывают две прямо противоположные позиции по вопросу о сущности царской власти. Иван Грозный свою точку зрения согласует с библейской заповедью повиновения рабов своим господам во всех вопросах, кроме веры. Царь пишет о том, что является плотью от плоти старых правителей Руси и трон свой получил по праву. В связи с этим его святая обязанность не допустить владычества рабов в государстве, так как это противно природе. Курбский же настаивает на справедливом отношении к виднейшим мужам государства, явно не считая их рабами царя, а только его советниками и слугами, которым следует воздавать по достоинству. При этом оба оппонента безмерно преувеличивают свою роль, Курбский не стесняется откровенно извращать факты, а Иван Грозный срывается с возвышенных богословских рассуждений на непристойную брань, которая, впрочем, по меркам XVI в. являлась вполне допустимой. Например, он издевательски пишет,

Гербовая печать Ивана Грозного

что, если и не увидит более князя Курбского — «рожу твою эфиопскую» [15], — это не столь ужасно, а Страшного Суда он не боится. При этом царь перемешивает возвышенные рассуждения с типично бытовыми жалобами на свои лишения, за что его потом будет высмеивать Курбский.

В 1577 г., после 13-летнего молчания, Иван Грозный написал еще одно послание Курбскому. Несомненно, само существование князя в живых по-прежнему не давало покоя царю. На пике своих военных успехов Грозный пишет беглому князю как триумфатор из того самого Вольмара, откуда в 1564 г. Курбский впервые осмелился вступить с царем в пререкания и называл этот город владением короля Сигизмунда. Иван, который всегда настаивал на том, что Ливония — его владение, очень резко отреагировал и не забыл после покорения города поставить Курбского в известность о своей правоте, доказанной оружием.

Возможно, злопамятность царя подкреплялась еще и тем, что в 1573 г. Курбский написал в Литве свой памфлет «История о великом князе Московском». Это сочинение приобрело в Европе широкую известность и явилось основой для формирования мнения многих европейских государей о Московии и московских порядках. Преувеличения и точно подобранные примеры дикости и жестокости стали одним из факторов, приведших к дипломатическим поражениям Ивана IV в 1570-х гг.

Второе послание царя показывает, что Иван Грозный сильно постарел и несколько успокоился. Это письмо короче,

Крепостная стена в Вольмаре (XV в.)

уравновешеннее по тону и лишено надменности, о чем сам царь и заявляет. Здесь автор уже не обиженный в детстве мститель, а глубоко уверенный в себе, хотя и несколько уставший, властитель. Во всяком случае, на обвинения в разврате и многоженстве он спокойно отвечает, что подобные пороки свойственны всем людям, и напоминает Курбскому о том, что и тот «взял жену стрельцкую» [15]. Князь Андрей в Литве начал жизнь заново и, действительно, еще дважды женился, от одного из браков имел сына, впоследствии перешедшего в католичество. Иван IV признает, что пошел на «Кроновы жертвы», однако сделал это из-за того, что Курбский и его сообщники разлучили его с молодой женой. В заключение Иван призывает оппонента задуматься о себе и внутренне исправиться, так как сама судьба уже доказала, что и в Вольмаре ему не спастись, и он «еще дальноконнее поехал» [15].

Курбский долго ждал подходящего случая ответить Грозному. Второе его послание, написанное в ответ на письмо Ивана IV от 1564 г., доставили адресату вместе с третьим только в сентябре 1579 г., когда Стефан Баторий уже вступил в Полоцк. Второе письмо укоризненно по своему тону. Князь Андрей спустя много лет напомнил Ивану Грозному о его грубости в первом письме, длинноте и «многошумности» изложения, а также пристойное только «вздорным бабам» сожаление «о шубах и телогреях». Хитрый князь вновь очень точно бил по больному месту царя — его склонности к актерству, позе при слишком несдержанном характере и надменности. Все рассуждения царя и его ученые ссылки князь высмеивает, говоря, что не стоит такие невежественные поучения посылать за границу, где встречаются люди, разумющие и философию, и диалектику. Эффект от пространных экскурсов Ивана IV в библейскую и византийскую историю оказался сведенным к нулю. Курбский выставляет себя изгнанным подданным несправедливого тирана, страдаль-

Пограничные укрепления русских: крепостные стены Ивангорода (XV—XVI вв.)

цем, нуждающимся в утешении, которое, очевидно, получит только перед престолом Всевышнего вместе со своим врагом, на что и уповает. Все письмо построено таким образом, чтобы показать превосходство князя над царем в благопристойности, образованности и опыте.

По третьему посланию, отправленному вместе со вторым, видно, что и Курбский серьезно потрепан жизнью. Письмо также очень длинное, из чего можно сделать вывод, что князю отказывает его былая сдержанность. Он оправдывается

Очень медленный темп переписки вызывает у обоих корреспондентов раздражение, и они обвиняют друг друга в задержке с ответом. Князь Андрей величает себя убогим, по-прежнему представляя якобы пострадавшую и обиженную сторону. Он клеймит уже не только Ивана IV, но и весь род московских правителей, а временами срывается на ту же ругань, за которую упрекал Грозного. В его послании звучат и ноты оправдания, так как он уже явно повинен в разорении православных земель и церквей, и не может сам этого не осознавать.

в том, что второе свое послание не отправил раньше только потому, что Иван «затворил» землю Русскую.

Курбский открыто злорадствует над неудачами царя и русских войск, доказывая, что с Московией он навсегда расстался не только телом, но и душой. Послание князя так же, как и первое письмо Ивана IV, переполнено откровенной демонстрацией своей учености, Курбский даже посылает царю свои переводы с латыни на русский язык из Цицерона. Завершается послание ностальгией по периоду правления Ивана IV, связанного с Избранной радой, и призывами исправиться и «воспрянуть ото сна» [15], чтобы обратиться к человеколюбию и справедливости.

Московский государь не ответил на третье послание, слишком занятый другими делами. На этом самая известная в истории средневековой Руси переписка оборвалась. Письма царя и князя друг к другу стали широко известны в Москве и в переписанном виде распространялись вплоть до XVIII в. Самого князя, обвинявшего в тиранстве царя, в Литве неоднократно судили за жестокое обращение с подданными.

Царь, заклеивший князя как изменника и еретика, утопил в крови свою страну. Двое умнейших людей Московии стали врагами, которые не остановились ни перед чем ради своего тщеславия. Иван все-таки пережил своего старого врага: Курбский умер в 1583 г., так и не вернувшись на родину.

Иван IV проявил свои литературные дарования не только в переписке с Курбским и в написании богословских трактатов, он активно использовал талант и на дипломатическом поприще. По свидетельству современников, после казни дьяка Ивана Висковатого Грозный взял внешнеполитические дела под свой полный контроль. Он лично диктовал все послания дьякам, подробно инструктировал послов, оперативно реагировал на изменение международной обстановки и последовательно отстаивал принципы русской внешней политики. Царь стал автором и самым последовательным защитником тезиса, согласно которому не только земли Литвы, но и Ливония объявлялись достоянием русского царя. Грозный внимательно следил за своей титулатурой и ее признанием за рубежом, понимая, что от этого зависит статус державы. Он ставил на место монархов соседних государств в своих ответах и многочисленных переговорах с противниками.

В 1572–1573 гг. Иван Грозный отправил два дипломатических послания к шведскому королю Юхану II. Их главные идеи — приниженное по отношению к Московии положение Швеции (как недавно отделившейся от Дании державы) и низкое происхождение самого Юхана, которое вообще не позволяет ему вести переговоры с московским царем на равных. Царь настаивает на том, что поступает согласно многовековой традиции, в силу которой король Швеции должен вести переговоры прежде всего с наместником Новгородским. Грозный в связи с этим якобы выполняет все свои обязательства, в отличие от возгордившегося шведа, претендующего на переговоры с самим Иваном IV. Московский царь подчеркивает свое миролюбие, которое Юхан от-

Замок Браунсберг
в Польше (XIII в.)

Шведский король Юхан II
(с гравюры XVI в.)

верг, и упоминает о том, что теперь, после разгрома крымских орд, шведы узнают его тяжелую руку. Швед подробно ответил на послание Ивана, попытавшись поставить себя и Швецию наравне с Москвией и ее царем. В январе 1573 г. Грозный написал еще одно послание Юхану. После детального опровержения всех его аргументов, ради которого царь не поленился привести и проанализировать полный текст русско-шведского договора 1537 г., он открыто заявлял, что ему, как «велико-

му государю», и сноситься с ним «бесчестно», а «перелаиваться» смысла нет. При такой постановке вопроса Юхану II оставалось либо воевать до победы, либо сразу признать свое поражение, ни о каких компромиссах речь идти не могла.

Иван IV активно переписывался и с Елизаветой Английской. В своем послании от 1570 г. он описывает историю русско-английских отношений с 1553 г. Царь позволяет себе учить королеву правилам оформления документов («У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей» [8]), запрещает ей и ее подданным делать какие-либо критические замечания по поводу московских порядков и на свой счет. Грозный требует от Англии активного политического сотрудничества, упрекает Елизавету в том, что ее посланники ни о чем, кроме как о торговле, разговаривать не хотят. В связи с этим он грозит королеве прекращением торговых связей вообще, а также открыто упрекает ее в неспособности самостоятельно управлять государством («у тебя, помимо тебя, другие люди владеют» [8]) и даже называет Елизавету «пошлой девицей», не желая одобрять незамужний статус королевы-девственницы. Несмотря на резкий тон переписки, Иван все же надеется на установление русско-английского союза и ведет переговоры о предоставле-

нии взаимного убежища монархам в случае изгнания из своей страны. Это объясняется не столько страхом Ивана IV перед возможным изгнанием, сколько свойственным ему трезвым расчетом и дальновидностью.